

Говорите о брачных узах? Но есть же сексуальные меньшинства. Ах, как по-прежнему мы отстаем от передовых стран! В Англии уже венчают гомосексуалистов, а Новой Зеландии — слонов. Вы хотите ввести преподавание православной культуры? Но это уже вообще великодержавный шовинизм. А в остальном, живите как хотите. Да вспомните слова одного из героев Федора Михайловича: «Широк русский человек, надо его сузить». Так что сужайтесь.

Наш враг вооружен до зубов. Его оружие — хамская уверенность в своей безнаказанности. Иначе как объяснить круглосуточную пропаганду насилия, пошлости, разврата? Оружие его — вызывание площадного смеха над скабресными шутками жваноилов. Оружие — циничная, липучая реклама. А главное оружие — внушение страха не только перед завтрашним днем, но и страха постоянного. За себя, за детей и внуков.

И это непрерывное, навязшее на зубах демократическое вранье, что мы отсталые, ничего не умеющие, что в России беда: дураки и дороги, что в России воруют. Во-первых, выражение «в России воруют» давно пора заменить на выражение «у России воруют», во-вторых, почему это мы отсталые? Мы всех впереди в мире. Вообще, как измеряется первенство, по какому принципу? Япония обогнала нас по компьютерам, но мы навсегда обогнали всех по преподобным Сергию Радонежскому и Серафиму Саровскому. Тот в мире впереди, кто по иерархии ближе всех к Богу. И найдите страну, которая была бы ближе к Нему, чем Россия. Когда нас тянут в мировое сообщество, пищат об интеграции в цивилизации, явственно ощущается, что нас тянут в болото.

Демократия четко высветила себя, свою суть в России, вернее, она вычернила себя на светлом русском фоне. Есть краткая на

все времена формула демократии для ее понимания, сказанная святым Иоанном Кронштадтским: «Демократия — в аду».

Православие желает спасения всем, но спасает желающих. С корабля спасения летят спасательные круги, бросаемые в океан мутной жизни. Но за круг еще надо ухватиться. И желающие хватаются и спасаются. Демократия не желает и посему погибнет.

Мы — рабы Божии, мы — воины Христовы, мы — добровольцы, а не контрактники на последней войне. Не за систему, не за идеологию погибали бойцы Отечественной — за Родину. Молясь за них, будем молиться и за своих отцов-командиров, за священнослужителей. Броня молитвы и щит благочестия спасет нас от стрел лукавого. Будем помнить напутственные слова митрополита Филарета Московского:

«Бог благословляет праведную войну... Высоко звание воинское! Счастливы вы, православные наши, христоролюбивые воины, если смотрите на свою службу как на дело Божие».

Да, мы счастливы. Мы в России, у нас нет запасной родины. Кто бы ни приходил в нее: большевики ли, демократы ли, понятие Отечества остается незабываемым, крепким как скала, на которой стоит вера православная. Всякие системы живут во времени, Россия — в вечности!

Если наши власти поймут наконец, что демократия для России — это путь к гибели российской государственности, то они займутся благородным делом — готовить общественное мнение к сияющему впереди, единственно приемлемому для России строю — монархическому.

Да не усталимся! «Сии на колесницах, и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем» (Пс. 19:8). И еще: «Аще и пойду посреде сени смертных, не убоюсь зла, яко Ты, Господи, со мною еси» (Пс. 22:4).

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

ШЛЕМОНОСЦЫ

Начну с печальных и мудрых слов И. А. Ильина: «Народы не выбирают себе своих жребиев, каждый приемлет свое бремя и свое задание свыше. Так получили

и мы, русские, наше бремя и наше задание. И это бремя превратило всю нашу историю в живую трагедию жертвы; и вся жизнь нашего народа стала самоотверженным служением,

непрерывным и часто непосильным... И как часто другие народы спасались нашими жертвами и безмолвно и безвозвратно принимали наше великое служение... с тем, чтобы потом горделиво говорить о нас, как о «некультурном народе» или «низшей расе». Эти слова были сказаны еще за пятнадцать лет до Великой Отечественной и сказаны были не откуда-нибудь, а из Германии, где И. А. Ильин жил тогда в эмиграции. И прозвучали они удивительно зорким прорицанием новой «трагедии жертвы» и нового ее непонимания и извращения. К тому времени у нас накопился долгий и тяжелый опыт жертвенного служения, опыт (это опять слова И. Ильина) «незримо возрождаться в зримом умирании, да славится в нас Воскресение Христово».

С. Соловьев насчитал на Руси с 1240 г. по 1462 г. (за 222 года едва неполного периода татарского ига) двести войн и нашествий. С XIV в. по XX в. за 525 лет (это уже после ига) 329 лет войны. Две трети своей истории — в сражениях. С Поля Куликова вернулась только десятая часть ратников Дмитриева войска, вся Русь оглашалась стенаниями, некому было засеять поля, но некому было в первые десятилетия и Русь засеять новыми поколениями. Какой еще народ мог выдержать такое и снова и снова находить силы для возрождения?!

XX век не стал исключением: японская война, Первая мировая, Гражданская, финская, Халхин-Гол и, наконец, Великая Отечественная, самая жестокая за всю историю России, взявшая самую обильную смертную дань, оставившая после себя вконец израненное и измученное тело страны. Никогда еще так грозно не подступал вопрос: быть или не быть России? И никогда еще не бывало, чтобы так долго кровоточили раны и чтобы спустя шестьдесят лет после Победы приходилось с горьким сердцем признавать, что полноценной замены погибшим так и не произошло.

Эти два события — Поле Куликово и Отечественная война, разделенные более чем полутысячелетием, невольно в нашем представлении возвышаются над Россией огромными скорбными курганами. Но они встают рядом еще и потому, что там и там вместе с огненным и разящим оружием в не меньшей степени действовало оружие духовное, скреплявшее защитников Отечества в единую плоть и единый дух, в цельную неодолимую преграду. Они становятся рядом, эти два события, вопреки всему, что их разделяет, еще и потому, что промыслительно для того и другого выпало выгодное время:

в первом случае уже произошло сцепление народа, во втором — еще не случилось его расщепления.

От принятия христианства князем Владимиром и до нашествия Батыя прошло 250 лет, примерно столько же продолжалось татарское иго. Это совпадение двух разнородных сроков не случайно. Словно сам Господь на весах выверял, чему отдалась русская душа. На Поле Куликово под водительством двух вождей — князя Дмитрия и Преподобного Сергия Радонежского — впервые вышла объединенная Святая Русь, там, в ночи рабства, беспрестанно продолжалась тонкая душевная работа собирания русичей с помощью Иисусовой молитвы в единый народ. Русь возродилась еще до победной битвы, на Поле Куликово она шла скрепленной в сыновьем и братском родстве — и как сыны Земли Русской, и как братья во Христе. И самоотверженное воодушевление Дмитриевой дружины было таково, что сколько бы ни запросила победа, столько и положили бы к ее стопам. «С радостью умирали» — всегда мне казалось сомнительным и даже фальшивым это выражение, но в решительных схватках, когда к смерти и готовились, и не чаяли остаться в живых, это было воинское правило, чтобы не иметь после поражения сраму.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ война началась через двадцать лет после революции и Гражданской войны, после исхода с Родины той части верноподданных России, которая не приняла революцию и сражалась против нее, после жестокого боготорчества и силового наведения нового порядка. Новая Россия (СССР) еще не оправилась ни от разрухи, ни от разброда. Двадцать лет для переворотных событий подобного рода — срок немалый, но народную душу, столетиями воспитанную в незыблемых нравственных и духовных правилах, в почитании органической, судьбой данной Родины, в такие годы искалечить трудно. «Родина-мать» — это прежде всего было в сердцах, а уж потом зазвучало громко и пропагандно.

Быть может, подобные предположения бессмысленны, но кажется мне, что, навались Великая Отечественная в грозе и мощи соответствующих времени, еще через двадцать лет, воевать и побеждать оказалось бы гораздо труднее. Сказались бы и духовная потрепанность, и постепенное отслоение от матушки-родной земли. Но больше всего сказались бы начинающийся распад общего народного тела на части, получающие индивидуальную чувствительность, — и что-то вроде броуновского движения в мозгах.

При этом надо иметь в виду, что Победа в Отечественной войне эти опасные явления опередила и отдала тоже, быть может, лет на пятнадцать-двадцать, иначе они могли проявиться и раньше.

У Евгения Носова, писателя-фронтовика, есть дивного слова и чувства повесть под названием «Усвятские шлемоносцы» — о том, как уходили на войну деревенские мужики. Сорванные известием о ней с самой радостной полевой страды — с сенокоса, они доживают, точно дожинают, чтобы уложить в суслоны перед молотью, последние сырые денечки среди всего родного, с чем предстоит расстаться. Деревенскому человеку уходить еще труднее, нежели заводскому или конторскому, он врос в родную землю так крепко, такое у него богатство вокруг и в таком родстве он со всем, со всем, что живет рядом, что это не объяснить даже в самой малой доле. И представить нам это прощание сегодня уже нельзя: не 64 года прошло с той поры, а сотни лет — так изменился человек и так оторвался он от пуповины породившего его природного мира. В повести, кстати, есть сцена, которая по смыслу своему выше земного удела человека, когда мать торопливо и неловко, уже на ходу, догоняя тронувшуюся колонну призывников, сует сыну, как оберег, как заклинание, тряпицу, в которой высохшая сыновья пуповина, сохранившаяся с рождения.

Прошу прощения за длинную цитату, она необходима.

«Касьян (это главный герой повести. — В. Р.) в свой 36-летний зенит, когда еще кажется далеким исходный житейский край, а дни полны насущных забот, особо не занимал себя душеспасительными раздумьями, давно уже перезабыл те немногие молитвы, которым некогда наставляла покойница бабка, и редко теперь обращался в ту сторону, да и то когда отыскивал какой-нибудь налоговый квиток за божицей. Но нынче, войдя в горницу, нехожено-прибранную, встретившую его алтарным отсветом лампы, он, будто посторонний захожий человек, тотчас уловил какое-то отчуждение от него своего же собственного дома и, все еще держа кошелку со сменным бельем, остановился в дверях и сумятно устался в освещенный угол, догадываясь, что сегодня лампада зажжена для него, в его последний день, в знак прощального благословения. Ее бестрепетное остренькое пламяце размыто отражалось в потускневшей золоченой ризе старой иконы, выдавшей поклоны еще Касьяновой прабабки, и из черноты писаной доски ныне проступал один лишь желтоватый лик с

темнозапавшими глазами, которые, однако, более всего сохранились и еще до сих пор тайным неразгаданным укором озирали дом и все в нем сущее.

Стоя один на один, Касьян с невольной пристальностью впервые так долго вглядывался в болезненно-охристое обличье Николы, испытывая какую-то беспокойную неловкость от устремленного на него взгляда. Икона напоминала Касьяну ветхого подорожного старца, что иногда захаживал в Усвят, робко стуча в раму через палисадную ограду концом орехового батожка. Словно такой вот старец забрел в дом в Касьяново отсутствие и, отложив суму и посох и сняв рубище, самовольно распалил в углу теплинку, чтоб передохнуть и просушиться с дороги. И как бы пришел он откуда-то оттуда, из тех опасных мест, и потому, казалось, глядел он на Касьяна с этой суровой неприязнью, будто с его тонких горестных губ, скованных напряженной немотой, вот-вот должны были сорваться скопившиеся слова упрека, что чудились в его осуждающем взгляде. Встретившись с Николой глазами, Касьян еще раз остро и неприятно ощутил тревожную виноватость и через то как бы вычитал эти его судные слова, которые он так натужно силился вымолвить Касьяну: «А ворог-то идет, идет...»

Посмотрите, с какой точностью не только художественной, но и чувственной, душеводной пишет автор этот миг озарения и укрепления героя перед образом святого Николы. И как правильно, что именно он, крестьянский заступник и наставник, подталкивает: «А ворог-то идет, идет...»

РУССКИЙ человек оставался православным, так скоро, в какие-то двадцать лет, душа народная в модные одежды не переодевается. Он весь был пронизан, несмотря на новые веяния, дыханием тысячелетней России, он сам был ее дыханием, будучи частицей ее тела. Еще не было и быть не могло того, что появилось потом: будто человек выше Родины и живет в ее стенах по какому-то юридическому соглашению, которое в любой момент может быть расторгнуто, если не выполняются условия договора. Когда человека превращают в ничто, это значит, и Родину превращают в ничто, и не может у них быть разных судеб ни в счастье, ни в несчастье. Последнее замечание относится уже к нашим временам.

И еще одно, бывшее порукой Победы в Великой Отечественной: Россия тогда оставалась еще крестьянской страной, а нет вернее, крепче и умелей защитника Отечества, чем сын крестьянский, который

по духовному своему устройству есть повторение России. А когда крестьянские дети вынуждены были еще и становиться военачальниками, когда в помощь им были призваны на фронт великие Александр Невский и Дмитрий Донской, Александр Суворов, Михаил Кутузов и Федор Ушаков, а они, в свою очередь, потребовали, чтобы тревожный бой церковных колоколов разбудил и привел на поля сражений их испытанных ратников, не знавших другого исхода боя, кроме победы; когда запасными полками подошли они и встали рядом — вся тысячелетняя Русь из глубин своих поднялась наверх, подобно чаемому граду Китежу, и обрела зримые очертания. После этого в победе сомневаться не приходилось. Жертвенная, как всегда, в этот раз жертвенная в тысячекратном увеличении, доставшаяся в таких невзгодах, каких никогда не бывало, и от этого еще более дорогая, впаившая в сердца фронтовиков и всех ее современников, — она сегодня должна быть впаива в сердце каждого, кто сознает Россию своим Отечеством.

Празднуя сегодня эту великую Победу, мы вызываем ее из прошлого, где всего только десятилетие назад ее пытались похоронить, не только для того, чтобы воздать должные почести фронтовикам и вспомнить звездный час России, мы прежде всего вызываем ее, чтобы приложиться к ней как к национальной и государственной святыне, подобной чудодейственным святыням Православия, для духовного и физического исцеления. И чтобы под ее златым омофором призвать в единый строй бывлых защитников Отечества, как не однажды в скорбные времена призывались падшие дотоле для совместного спасения России.

Сегодня мы живем в оккупированной стране, в этом не может быть никакого сомнения. То, чего врагам нашего Отечества не

удавалось добиться на полях сражений, предательски содеялось под видом демократических реформ, которые вот уже пятнадцать лет непрерывно продолжают бомбить Россию. Разрушения и жертвы — как на войне, запущенные поля и оставленные в спешке территории — как при отступлении, нищета и беспризорничество, бандитизм и произвол — как при чужеземцах. Что такое оккупация? Это устройство чужого порядка на занятой противником территории. Отвечает ли нынешнее положение России этому условию? Еще как! Чужие способы управления и хозяйствования, вывоз национальных богатств, коренное население на положении людей третьего сорта, чужая культура и чужое образование, чужие песни и нравы, чужие законы и праздники, чужие голоса в средствах информации, чужая любовь и чужая архитектура городов и поселков — все почти чужое, и если что позволено свое, то в скудных нормах оккупационного режима.

Чужое настоящее... и что же? — чужое будущее? Но чужое будущее — это уже окончательно победившее, из оккупационного превратившееся в оседлое и хозяйское свое. Вот такая перед нами перспектива, если наше сопротивление останется столь же вялым и разрозненным. И что же — отпразднуем Победу, добытую нашими отцами и дедами, воздадим им должное — и снова склоним голову?!

Чем добывалась Победа в таких судьбоносных схватках, как Поле Куликово и Великая Отечественная? Прежде всего самоотверженностью, когда тебя, как индивида, имеющего право на завтрашнюю жизнь, словно бы и нет, а есть мгновение, которое сильнее тебя и в которое ты или успеешь или не успеешь сделать спасительный для победы рывок и невидимые крылья подхватят тебя и вознесут в строй бессмертных: «Да славится в нас Воскресение Христово!»